

DOI: 10.31857/S086919080009587-2

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
ИНДИИ И КИТАЯ В ТЕНИ НЕДОВЕРИЯ

© 2020

Э.П. ШАВЛАЙ^{a, b}^a – МГИМО МИД, Москва, Россия^b – ИМЭМО РАН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-5380-7009; shavlaj.e.p@my.mgimo.ru

Резюме: Индийско-китайские отношения на современном этапе представляют крайне интересную тему для исследования, ввиду того что и Нью-Дели, и Пекин демонстрируют достижения в экономической и военно-политической сферах, сменяют центр глобальной политики в Азию и имеют все возможности для изменения баланса сил и мирового порядка в средне- или долгосрочной перспективе. Между тем наука, особенно отечественная, уделяет мало внимания двустороннему взаимодействию двух азиатских гигантов, фокусируясь больше на противостоянии КНР и США, в котором Индия является лишь одним из условных американских союзников, либо же ограничивается рассмотрением регионального соперничества между Индией и Китаем на фоне активно развивающихся геополитических проектов обеих стран. Военно-политические связи двух государств, как правило, не находят отражения в исследованиях, так как носят ограниченный характер, поскольку все еще несут бремя обоюдного недоверия, сложившегося из-за непродолжительной, но крайне болезненной для исторической памяти индийцев индийско-китайской войны 1962 г. Данная статья призвана проанализировать качественные составляющие военных потенциалов двух государств на суше и на море, а также выявить механизмы взаимодействия, способствующие нивелированию негативного восприятия действий каждой из сторон. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что Китай останется в среднесрочной перспективе более сильным игроком на международной арене, нежели Индия, которая стремится сократить с ним разрыв, но не обладает такими же экономическими возможностями, в связи с чем укрепление ее позиций происходит преимущественно за счет крупных союзников, таких как США, Россия и Япония. Вместе с тем общность некоторых региональных интересов и осознание тяжести последствий потенциального конфликта способствуют укреплению военно-политического сотрудничества Индии и Китая, несмотря на неизменный фактор недоверия друг к другу.

Ключевые слова: Индия, Китай, военно-политическое сотрудничество, фактор недоверия, пограничный спор, Индо-Тихоокеанский регион, военные доктрины

Для цитирования: Шавлай Э.П. Военно-политическое сотрудничество Индии и Китая в тени недоверия. Восток (Oriens). 2020. № 5. С. 185–195. DOI: 10.31857/S086919080009587-2

POLITICAL AND MILITARY COOPERATION
BETWEEN INDIA AND CHINA IN THE SHADOW OF DISTRUSTEllina P. SHAVLAY^a^a – MGIMO University, Moscow, Russia^b – IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-5380-7009; shavlaj.e.p@my.mgimo.ru

Abstract: *New Delhi and Beijing demonstrate incredible achievements in the economic and military-political spheres, shift the center of global politics to Asia, and have every opportunity to change the balance of power and world order in the medium or long term. Meanwhile, researchers pay little attention to the bilateral interaction of the two Asian giants, focusing more on the confrontation between China and the US, or consider regional rivalry between India and China in view of the rapidly developing geopolitical projects of both countries. The military-political relations of the two states, as a rule, are not reflected in the studies, as they are limited due to mutual distrust arising from the Sino-Indian War of 1962. This article is designed to evaluate the current balance of forces, analyze the qualitative components of their military capabilities on land and at sea as well as to identify interaction mechanisms that contribute to leveling the negative perception of each other. The author concludes that in the medium-term China will remain a stronger player in the international arena than India, which seeks to bridge the gap, but does not have the same economic opportunities, and therefore, its position is strengthened mainly at the expense of large allies, such as the USA, Russia, and Japan. At the same time, military doctrines, confidence-building measures as well as awareness of the severe consequences a potential conflict could result in contribute to the strengthening of military-political cooperation between India and China, despite the constant factor of distrust between the two.*

Keywords: India, China, military-political cooperation, mutual; distrust, border dispute, Indo-Pacific region, military doctrines.

For citation: Shavlay E.P. Political and Military Cooperation between India and China in the Shadow of Distrust. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 5. Pp. 185–195. DOI: 10.31857/S086919080009587-2

На современном этапе, несмотря на сохраняющиеся исторические разногласия, Индия и Китай стремятся к налаживанию политического диалога. Однако в военно-политической сфере Индия и Китай являются явными соперниками: каждая из сторон воспринимает усиление военного потенциала другой как вызов, а военное сотрудничество с другими государствами как направленное против другой. Периодические стычки на границе лишней раз напоминают о возможной угрозе вооруженных столкновений. Однако недаром индийский премьер-министр Нарендра Моди отметил, что «за последние четыре десятилетия на индийско-китайской границе не прозвучало ни одного выстрела, а в приграничных районах сохранялся мир и спокойствие» [Our govt..., 2018]. При этом наличие ядерного фактора лишь усиливает взаимные опасения. В последнее время все большее значение придается и геополитическому противостоянию акторов. Желание обоих государств быть сильными как континентальными, так и морскими державами зачастую приводит к конфликту интересов в регионе. В целом военно-политические двусторонние отношения буквально пронизаны недоверием стран друг к другу, однако на данном этапе оба государства стремятся как можно осторожнее выстраивать двусторонний диалог, осознавая ненужность и катастрофические последствия возможного конфликта.

СОПОСТАВЛЕНИЕ КАЧЕСТВЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ПОЗИЦИЙ ИНДИИ И КНР В ВОЕННОЙ СФЕРЕ

Де-факто сухопутная граница между Индией и Китаем, или «линия фактического контроля», является самой протяженной спорной демаркационной линией в мире [Rehman, 2017, p. 131]. По индийским оценкам, граница насчитывает почти 3.5 тыс. км [Annexure..., 2020]. Она условно состоит из трех зон: Западной (Ладакх, Кашмир), Средней (Уттаркханд, Химачал Прадеш) и Восточной (Сикким, Аруначал Прадеш) [All you want..., 2014]. Спорными при этом являются преимущественно территории индийского штата Аруначал Прадеш, которые китайцы именуют Южным Тибетом, и регион Аксай Чина, который де-

факто управляется Китаем, но который индийцы считают частью Ладакха [Васильев, 2017, с. 183]. Предыстория конфликта лежит в разной трактовке документов, разграничивающих территории двух государств, – прежде всего Симлского соглашения 1914 г., которое зафиксировало в качестве границы так называемую линию Мак-Магона [Терехов, 2011, с. 58]. КНР отказывается признавать эту линию в качестве официальной границы, поскольку центральное правительство Китая никогда не признавало ее как таковую [Premier Chou..., 1959]. Невозможность решения территориального вопроса мирными средствами привела к войне 1962 г., в которой Индия потерпела поражение. Однако конфликт не разрешил фундаментальных противоречий сторон, лишь усугубив их недоверием друг к другу.

Притязания обеих сторон обусловлены *стратегическим характером* этих районов: Аруначал Прадеш для Индии – это и связь с другими северо-восточными штатами, и среднее течение одной из важнейших для страны рек – Брахмапутры; Китай же стремится отодвинуть границу от столицы Тибетского автономного района (ТАР) Лхасы, от которой до «линии Макмагона» только 250 км [Терехов, 2011, с. 58]. Кроме того, это имеет и культурно-религиозное значение, так как Китай контролирует все места инкарнации Далай-Ламы, кроме Таванга – «единственного места на тибетском плато, находящегося за пределами территории современного Китая», что крайне важно, учитывая тибетский фактор [Чжун, 2015, с. 107–108]. Аксай Чин значим для Пекина в связи с тем, что является частью Тибетского плато и соединяет Синьцзян-Уйгурский автономный район с ТАР; индийцы же обосновывают свою позицию его исторической принадлежностью Индии [Терехов, 2011, с. 60]. То есть внимания заслуживает не только протяженность границы, но и ее рельефность: между двумя азиатскими гигантами пролегает цепь высочайших в мире Гималайских гор, и противостояние связано с необходимостью отстаивания стратегических позиций.

При этом стоит помнить и о *приграничных странах*, которые также выступают некими «реперными точками» стратегических преимуществ каждой из сторон. Так, отношения двух стран в западном секторе осложняются пакистанским фактором. Именно Пакистан является наиболее весомым препятствием к развитию конструктивного сотрудничества между Дели и Пекином – «учитывая всепогодную дружбу между Китаем и Пакистаном..., для Индии всегда существует вероятность войны на два фронта» [Tellis, Mirski, 2013, p. 116]. На центральном направлении речь идет о Непале и Бутане, которые, будучи расположены между двумя азиатскими гигантами, сегодня представляют собой «буферные» государства, а в случае конфликта могут стать своего рода плацдармами для наступления. Эти государства входят в индийскую сферу влияния, но все активнее налаживают взаимодействие с Китаем – особенно Непал, который согласился участвовать в китайском проекте «Один пояс – один путь», что вполне может дать военное преимущество КНР благодаря строящимся с ее участием инфраструктурным и коммуникационным линиям [Kumar, Narayan, 2017]. При этом обе гималайские страны обрамляют являющийся «воротами в Тибет» индийский штат Сикким, принадлежность которого некогда оспаривалась Китаем [Wolpert, 1997, p. 391]. Недавний конфликт, связанный с началом строительства железной дороги китайцами в районе плато Доклам, территорию которого считают своей и в Тхимпху, и в Пекине, обострил и индийско-китайские противоречия, поскольку для обеих сторон плато имеет стратегическое значение: занятие китайскими войсками Доклама обеспечит им возможность продвижения в штат Сикким и последующего перекрытия так называемого куриного горлышка – коридора Силигури, а значит, и возможность отрезать северо-восточные штаты от основной территории Индии, что грозит крайне негативными последствиями для страны [Наркевский, 2017]. Однако индийско-бутанский Договор о дружбе предусматривательно содержит положение о том, что «ни одно из правительств не должно допустить использования своей территории для осуществления деятельности, наносящей вред национальной безопасности и интересам другого»

[India – Bhutan..., 2007] – именно под этим предлогом индийские войска по просьбе Бутана перекрыли китайцам доступ к продолжению строительства. Этот инцидент показал, что любые попытки изменения статус-кво в приграничных районах или странах напрямую связаны с изменением стратегического баланса сил между двумя странами, а потому немедленно пресекаются. В целом с географической точки зрения китайцы обладают преимуществом в западном секторе, индийцы несколько лучше расположены в центральном, а в восточном их позиции примерно сопоставимы.

Индийское руководство извлекло несколько *уроков из войны 1962 г.*: нельзя отрицать возможность войны с Китаем, нужны вооруженные силы и техника, способные воевать в Гималаях, необходимо налаживать инфраструктуру и коммуникации в пограничных районах. Первый пункт находит отражение в необъявленной гонке вооружений с КНР, *соперничестве за геополитическое лидерство* и, как отмечалось ранее, стремлении пресечь любые изменения статус-кво в приграничных районах и индийских сферах влияния (прежде всего в Южной Азии). Второй аспект был также учтен, в том числе в связи с индо-пакистанскими конфликтами, которые также проходят в условиях высокогорья, – индийцы создали специальные подразделения (включая батальоны, составленные непосредственно из местных жителей, с рождения акклиматизировавшихся в условиях Гималаев), организовали школы *высокогорной подготовки* (самые известные – в Кашмире и Аруначал Прадеше), закупают и развивают особую военную технику (например, американские многоцелевые ударные вертолеты Apache и Chinook) [Kliman et al., 2019, p. 10, 13]. Однако вопрос взаимосвязанности подразделений и централизованного *командного управления*, столь необходимого в условиях потенциальной войны с сильным северным соседом, по-прежнему остается открытым: в отличие от Китая, который провел реструктуризацию командований, в частности объединив свои приграничные войска в единый театр военных действий – западный [Military Regions..., 2019], индийская внутривойсковая организация оставляет желать лучшего. По-прежнему сохраняется соперничество между разными родами войск, которые не могут договориться не только о централизации и переходе под единое командование, но и об объединении в рамках театров военных действий [Bhutani, 2018, p. 3]. Это, в свою очередь, приводит к тому, что на данный момент Индия находится в невыгодном положении, так как в случае военного конфликта каждое командование принимает решения, исходя из собственного видения ситуации; синхронизация действий отсутствует, а значит, происходят рассогласование и путаница, в то время как для успеха военной кампании необходима четкая стратегия действий с каждой стороны и совместное укрепление позиций. Что касается «третьего урока», то в значительной степени сохраняется *логистическая* проблема, что приводит к ограниченным возможностям переброски войск, организации подкрепления и поставок продовольствия. С одной стороны, это связано с рельефом местности на индийской стороне границы – если КНР заняла довольно выигрышные со стратегической точки зрения позиции (Тибетское плато, ряд высот в Гималаях) и строит сеть железнодорожного сообщения, в том числе через Пакистан, то Индии достались преимущественно скалы с весьма суровыми условиями [Scott, 2008, p. 5, 8]. С другой стороны, проблема строительства и развития инфраструктуры является общенациональной, и приграничные регионы – не исключение [Dangra, 2016]. Однако немаловажным фактором стало то, что Индия намеренно отказывалась улучшать условия в приграничных с Китаем районах, дабы не позволить китайцам аннексировать спорные территории и не облегчать их продвижение в глубь страны – лишь недавно эта установка стала уступать идее приобретения дополнительного стратегического преимущества над потенциальным противником посредством «обустройства» территорий и обеспечения логистического сообщения, столь нужного в мирное время, не говоря уже о военном [Kotoky, Bipindra, 2018]. И хотя индийцы существенно продвинулись на этом направлении, скорость и масштаб развития

инфраструктурных проектов в северных штатах все еще несравнимы с китайскими достижениями в южных провинциях [Rahman, 2014, p. 61]. Та же ситуация наблюдается и в сфере *коммуникаций*: Индия значительно отстает от Китая, который стремительно создает многоуровневую коммуникационную архитектуру, проводя оптоволоконные кабели и устанавливая многочисленные терминальные спутниковые станции [Rehman, 2017, p. 108].

Что касается *военных сил*, расположенных на границах, то в количественном соотношении индийские военные преобладают, однако ввиду особенностей китайской стратегии китайские подразделения расположены в глубине территории, а не на передовой, при этом развитая инфраструктура призвана обеспечить быструю переброску войск, а системы наблюдения – дать сигнал о необходимости укрепить позиции в связи с наступлением иностранной армии, поэтому этот фактор нельзя считать определяющим [Rehman, 2017, p. 110–111]. В то же время можно отметить относительное превосходство Индии в отношении авиации, являющейся одной из опорных сил для защиты приграничных зон: она периодически участвует в военных операциях и соответственно имеет больший военный опыт, нежели китайская [Banerjee, Suhas, 2019]. Вместе с тем китайская армия обладает гораздо большим арсеналом практически всех типов вооружений и модернизирует их гораздо быстрее, чем индийская, а потому соперничество пока развивается не в пользу Дели [The Military Balance..., 2019, p. 26].

Еще один важный аспект – политическая *лояльность жителей* тех областей, которые являются объектами спора. Как правило, их мнения не принимаются в расчет, так как речь идет скорее об «исторической справедливости» и геостратегических позициях, нежели о принадлежности территорий по причине культурно-цивилизационной или иной близости Индии или Китаю [Singh, 2010, p. 6]. Однако, несмотря на экономическую привлекательность потенциальных китайских инвестиций, местное население все же настроено проиндийски, особенно в тех районах, которые исторически являлись единым Тибетом (общеизвестно, что индийцы предоставляют тибетцам убежище, а правительство Далай-ламы в изгнании располагается на территории Индии, хотя Дели и выступает против любой деятельности, направленной против Пекина). Это предоставляет некоторое дополнительное преимущество индийской стороне, так как в случае конфликта население, вероятнее всего, встанет на ее защиту.

Таким образом, на сегодняшний день континентальный срез военно-политического потенциала примерно сопоставим; однако в то время как Индия выигрывает в геополитическом аспекте, Китай обладает преимуществами в военно-техническом и инфраструктурно-коммуникационном аспектах, которые в случае войны во многом являются определяющими. Впрочем, нельзя забывать о том, что серьезный военный конфликт может повлечь за собой вовлечение и других факторов, которые могут изменить баланс сил (например, привлечение внешних игроков), а потому нельзя четко выделить потенциального победителя.

Отдельного внимания заслуживают *морские акватории* – в последнее время все чаще обращают внимание на возможность возникновения конфликта именно там, а не на суше. Причина кроется в существенном возрастании роли морских путей как энергетических и торговых «артерий» азиатских стран, связывающих их со странами Персидского залива, Среднего Востока и Африки. Повышение ценности Индийского и Тихого океанов нашло отражение в новом понимании географического пространства, объединяемого термином «Индийско-Тихоокеанский регион» (ИТР). У него разные трактовки, но само возникновение и продвижение этого конструкта подчеркивает изменение геополитических реалий, которые влияют и на Дели, и на Пекин. В связи с тем что спрос на энергоресурсы только возрастает, а сухопутные способы доставки представляются крайне трудоемкими и не всегда надежными, именно морские пути сообщения становятся наиболее востребованными, а значит, повышается вероятность конфликта интересов на море. Уже сегодня мы наблюдаем наращивание китайского присутствия в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях,

усиление зависимости региональных стран от Китая, распространение китайских опорных пунктов в Индийском океане – последний пункт особенно тревожит индийское руководство, стремительно теряющее позиции даже в собственном «подбрюшье» ввиду сложности экономической конкуренции с КНР. Кроме того, оба государства с недавнего времени стали позиционировать себя как растущие «морские державы».

Географически преимущество в Тихом океане, безусловно, принадлежит Китаю, а в Индийском – Индии. Вместе с тем все перестает казаться столь очевидным, когда речь заходит о *геополитических проектах* и действиях обоих государств. В акваториях *Индийского океана* это касается китайского проекта «Морской шелковый путь», который призван дополнить вызывающую сопротивление индийской стороны инициативу «Один пояс – один путь» (ОПОП). Эта стратегия нацелена преимущественно на страны Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), однако имеет далеко идущие стратегические последствия для Южной Азии – КНР активно инвестирует в инфраструктуру, порты и перевалочные пункты стран, находящихся по пути следования судов из стран восточного побережья Африки, с Ближнего Востока и из Ирана (Пакистан, Мальдивы, Шри-Ланка, Бангладеш) [Samaranayake, 2019, p. 3, 13–15]. Китайские интересы вполне понятны: Пекин стремится обеспечить энергетическую безопасность страны посредством контроля над основными маршрутными линиями поставок. Вместе с тем действия китайской стороны воспринимают в Нью-Дели не иначе как попытку формирования «Нити жемчуга» для окружения Индии на море [Mehta, 2014, p. 19]. По сути, индийцев беспокоят два аспекта: возможность использования коммерческой инфраструктуры в военных целях и подрыв индийского влияния как в Южной Азии, в которой Индия является региональной державой, так и в Азии в целом. Как сказал глава Колледжа национальной безопасности Австралийского национального университета Рори Медкалф: «Одно из главных испытаний для Индии в долгосрочной перспективе – не допустить, чтобы Китай обернул против Индии ее же собственную географию, окружив ее рядом военных баз в Индийском океане» [Marlow, 2019]. Нью-Дели опасается китайской экспансии, в связи с чем оказывает прямое или опосредованное влияние на малые региональные страны (яркий пример – Мальдивы в 2018 г. [Maldives election..., 2018]) и развивает сотрудничество с внешними игроками – США (Malabar), Японией (JIMEX) и Австралией (AUSINDEX) как на двустороннем уровне, так и в рамках Четырехстороннего диалога по безопасности (Quad) [Joshi, 2019]. Последнее, в свою очередь, вызывает озабоченность со стороны Китая, который считает, что это объединение направлено против него, хотя бы потому что во главе стоят Соединенные Штаты, позиционирующие КНР как главного соперника в регионе, а в перспективе – и в глобальном масштабе. «Четверка» же не ограничивается рамками Индийского океана, а достаточно активно взаимодействует в ключевой зоне китайских интересов – акваториях Тихого океана. Конечно, Нью-Дели сложно соперничать с Пекином, поэтому на данном этапе он стремится расширить собственные возможности в регионе, не упустить потенциальные преимущества и занять ниши, стремительно сокращающиеся в связи с экспансионизмом Китая. Однако в долгосрочной перспективе Индия готовится к стратегическому противостоянию с северным соседом, поэтому предпринимает ряд шагов не только в Индийском океане, но и в Тихом. Помимо относительно недавно принятой на вооружение концепции Индийско-Тихоокеанского региона, страна давно развивает отношения как с ближайшими соседями («Сначала соседи»), так и со странами Большой Восточной Азии – прежде всего АСЕАН и Японией в рамках политики «Смотри на Востоку», с 2014 г. переименованной в «Действуй на Востоке» [Kesavan, 2020]. Впрочем, Китай также является частью этой стратегии, так как Дели нацелен на укрепление связей с Пекином и не стремится ни в коем случае его провоцировать [Kesavan, 2020]. Более того, Индию и КНР в ИТР сближают социально-экономические и экологические проблемы, борьба с пиратством,

терроризмом и политической нестабильностью, а также желание обеспечить действующую структуру безопасности – все это сплачивает их и позволяет формировать общую платформу для продуктивного сотрудничества, что снижает возможность военного конфликта.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И МЕХАНИЗМЫ ДИАЛОГА МЕЖДУ ИНДИЕЙ И КНР В ВОЕННОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Важно отметить, что обе страны, несмотря на весь клубок противоречий, понимают опасность, риски и масштабность последствий военного конфликта для двух крупнейших народов планеты. С целью предотвращения недопонимания Дели и Пекин выстраивают диалог в различных сферах, при этом именно политический диалог стал активатором связей в других областях и рассматривается как отправная точка, способствующая снижению взаимного недоверия и оказывающая так называемый «эффект перелива» ('spillover effect').

Политическое взаимодействие, начавшееся практически с самого возникновения на политической карте мира Китайской Народной Республики – 1 апреля 1950 г. страны установили дипломатические отношения, было прервано пограничной войной 1962 г. [India – China Bilateral..., 2019, p. 1]. Возобновление отношений связывают с визитом индийского премьер-министра Раджива Ганди в Китай в 1988 г., поскольку это была первая встреча на высшем уровне, что символизировало новый этап индийско-китайских отношений, однако ранее – в 1976 г. – были восстановлены контакты на уровне посольств, а в 1979 г. министр иностранных дел Индии Атал Бихари Ваджпай посетил КНР, намереваясь положить начало нормализации двусторонних связей, что, впрочем, не было осуществлено, поскольку Китай начал войну против Вьетнама [Indo-China political..., 2006]. Вместе с тем именно в 1988 г. были заложены основы для переговоров по важнейшим вопросам двустороннего, регионального и глобального масштаба, а также по принципиальному территориальному вопросу, который было решено «вынести за скобки» остальных сфер партнерства, дабы их можно было развивать вне зависимости от сложностей, связанных с пограничными спорами [Daftari, 1994, p. 288]. С этой целью была создана *Совместная рабочая группа (СРГ) по пограничному вопросу*, усилиями которой были в дальнейшем выработаны базовые условия взаимодействия двух сторон в приграничных районах [Sali, 1998, p. 120]. Следующим прорывом можно считать визит премьер-министра Индии Нарасимхи Рао в Пекин в 1993 г., во время которого, во многом благодаря усилиям СРГ, было подписано «*Соглашение о поддержании мира и спокойствия вдоль линии действительного контроля*», ставшее первым шагом в юридическом закреплении де-факто сухопутной границы между двумя государствами [Sali, 1998, p. 126]. Визит Председателя КНР Цзян Цзэминя в Дели в 1996 г. заложил второй столп линии фактического контроля (Line of Actual Control) – «*Соглашение о мерах доверия в военной области вдоль линии действительного контроля на индийско-китайской границе*» [Уянаев, 2009, с. 22]. Оба договора по сей день являются принципиальными для Индии и Китая, поскольку подтверждают принципы мирного сосуществования, озвученные еще в 1954 г. в Соглашении о торговых отношениях между Индией и Тибетским районом Китая, и являются «рамкой» для всех последующих нормативно-правовых основ двустороннего взаимодействия [Уянаев, 2009, с. 20–21]. Ядерные испытания 1998 г. несколько снизили интенсивность политического диалога, но не прервали его, а очередная активизация индийско-китайских политических отношений пришлось на 2000-е гг. В частности, 2003 г. ознаменовался визитом Атала Бихари Ваджпай (уже в роли премьер-министра Индии) в Китай и подписанием *Меморандума о расширении приграничной торговли*, который, по сути, зафиксировал два важных момента с точки зрения территориальных споров: во-первых, Китай де-факто признал Сикким индий-

ским, а Индия – Тибет как Тибетский автономный округ в составе КНР; во-вторых, документ явил собой шаг навстречу укреплению доверия, поскольку имел видимые положительные последствия для обеих сторон и продемонстрировал готовность сторон налаживать реальное взаимодействие, несмотря на сохраняющиеся противоречия [*Documents signed...*, 2003]. 2005 год закрепил принадлежность Сиккима Индии, о чем свидетельствовала официальная китайская карта, переданная китайской делегацией индийскому руководству во главе с Манмоханом Сингхом [Лунев, 2013, с. 203]. Отметим, что в этот же визит стороны охарактеризовали индийско-китайские отношения как имеющие «глобальный и стратегический характер», в связи с чем было заявлено о формировании «индийско-китайского стратегического и совместного партнерства во имя мира и процветания» [*Joint Statement*, 2005]. Приход к власти Нарендры Моди в 2014 г. придал дополнительный импульс в динамику развития индийско-китайского политического взаимодействия. За время первого срока индийский премьер дважды посетил Китай с официальным визитом (в 2014 и 2015 гг.), при этом стороны подписали около 40 соглашений по развитию отношений в различных сферах – от торговли до космоса, а также около 30 меморандумов о взаимопонимании, в том числе по вопросам изменения климата [India – China Bilateral..., 2019, p. 1–2]. В 2016 г. Президент Индии Пранаб Мукерджи также нанес визит в Китай, в ходе которого были подписаны меморандумы о взаимопонимании в сфере образования и научных исследований [India – China Bilateral..., 2019, p. 2]. Подлинным же прорывом считается первый в истории двусторонних отношений неформальный саммит лидеров Индии и Китая, состоявшийся в г. Ухань провинции Хубэй в 2018 г. [India – China Informal..., 2018]. Событие стало знаковым, поскольку главы двух государств смогли обменяться мнениями относительно наиболее чувствительных вопросов двусторонних отношений «без галстуков» и восстановить диалог на фоне предшествовавших событий вокруг плато Доклам, а кроме того, продемонстрировать всему миру взвешенность во взаимодействии друг с другом и согласие по многим вопросам глобальной политики [Pant, 2019]. Стороны решили регулярно проводить подобные неформальные встречи, при этом главы государств часто встречаются и на полях многосторонних форумов, а в целом между азиатскими гигантами создано множество механизмов взаимодействия по широкому спектру вопросов на самом разном уровне.

Среди двусторонних форматов *военно-политического сотрудничества*, призванных смягчить конфликтный потенциал и наладить взаимодействие сторон в случае конфликтных ситуаций, выделим следующие: встречи министров обороны двух стран, ежегодный Индийско-китайский диалог по безопасности (двусторонние учения «Рука об руку», которые нацелены преимущественно на проведение антитеррористических операций), военно-образовательные обмены, участие в Международном смотре флотов (International Fleet Review; в 2016 г. был организован Индией, в 2018 – Китаем) [India – China Bilateral, 2019, p. 4], а также совместное участие в Мирной миссии ШОС и иных форматах (например, в организуемых США Учениях стран Азиатско-Тихоокеанского региона RIMPAC). Отметим также, что некоторым «фасилитатором» между Дели и Пекином выступает Москва в рамках РИК, ШОС и проекта «Большая Евразия».

Таким образом, с точки зрения географического положения стороны занимают примерно одинаковые позиции в пограничных зонах; Китай явно лидирует в Тихом, а Индия – в Индийском океане. Хотя на данный момент конкуренция между Дели и Пекином носит относительно скрытый характер, они уже активно соперничают друг с другом, что в долгосрочной перспективе может обернуться открытым противостоянием за влияние в Азии и в глобальной политике. Индия, как и Китай, является членом Большой Двадцатки, ШОС, БРИКС, ВАС и

иных международных объединений, что доказывает ее влияние на международной арене, но этого пока недостаточно: Китайская Народная Республика является одним из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН, а Индия такого статуса не имеет, при этом Китай – общепризнанная потенциальная «сверхдержава», в то время как Индия пока претендует на признание в качестве «великой державы». Так или иначе, Дели и Пекин являются полюсами силы и уже сейчас рассматривают друг друга как соперники в долгосрочной перспективе, что во многом обусловлено глубоко укоренившимся недоверием обоих друг другу, остающимся неизменной константой двустороннего военно-политического взаимодействия.

Однако сотрудничество в отношении пограничных споров, начавшееся с конца 1980-х – начала 1990-х гг., продолжается по сей день, и, хотя сложная ситуация на границе иногда негативно сказывается на выстраивании диалога, территориальный вопрос так и остается на повестке дня именно как следствие, а не как первопричина противоречий между двумя государствами [Лунев, 2013, с. 204–205]. В этой связи политический диалог можно смело назвать одним из сдерживающих факторов в спорах двух стран; он же может считаться и «триггером» развития отношений в смежных сферах взаимодействия. Кроме того, важную роль в налаживании сотрудничества играют усиливающаяся неразрывность региональных акторов, влияние внешних игроков на баланс сил в Азии, общая направленность их усилий в противостоянии западной гегемонии и решении региональных проблем, требующих совместных усилий и сотрудничества между Индией и КНР как крупнейших держав региона, а в перспективе и мира. Сдерживающими факторами на двустороннем уровне также являются меры по укреплению доверия, двусторонние и многосторонние механизмы взаимодействия, равно как и осознание тяжести последствий потенциального конфликта, которые способствуют укреплению военно-политического сотрудничества Индии и Китая.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Васильев Е.Л. К вопросу о территориальных спорах Китая. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2017. Т. 22, № 22. С. 172–186 [Vasiliev E.L. On China's Territorial Disputes. *China in World and Regional Politics. History and Modernity*. 2017. Vol. 22, No. 22. Pp. 172–186 (in Russian)].

Лунев С.И. Территориальные и пограничные проблемы Южной Азии. *Территориальный вопрос в афро-азиатском мире*. / Под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 180–205 [Lunev S.I. Territorial and Border Problems of South Asia. *Territory question in Afro-Asian world* / Ed. by prof. D.V. Streltsov. M.: Aspect Press, 2013. Pp. 180–205 (in Russian)].

Наркевский Д. Чем опасен Доклам? Маленький конфликт с большими последствиями. *РСМД*. 08.2017 [Narkevskii D. What is Dangerous about Doklam? A Small Conflict with Big Consequences. *RSMD* (in Russian)] <https://russiangouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chem-opasen-doklam-malenkiy-konflikt-s-bolshimi-posledstviyami/> (accessed: 06.03.2020).

Терехов В.Ф. Территориальная проблема в китайско-индийских отношениях: истоки, эволюция и современное состояние. *Проблемы национальной стратегии*. 2011. № 4. С. 57–76 [Terekhov V.F. Territorial Issue in Sino-Indian Relations: Origins, Evolution and Current State. *National Strategy Issues*. 2011. No. 4. Pp. 57–76 (in Russian)].

Уянаев С. Китай–Индия: отношения в начале нового столетия. *Проблемы Дальнего Востока*. 2009. № 1. С. 19–30 [Ujanaev S. China-India: Relations at the Beginning of a New Century. *Far Eastern Affairs*. 2009. No. 1. Pp. 19–30 (in Russian)].

Чжун Ж. Южный Тибет (Таванг) в китайско-индийских отношениях. *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Всеобщая история. 2015. № 1. С. 99–118 [Zhong R. South Tibet (Tawang) in Sino-Indian Relations. *RUDN Journal of World History*. 2015. No. 1. Pp. 99–118 (in Russian)].

All You Want to Know about the Line of Actual Control (LAC). *The Times of India*. 09.2014. <https://timesofindia.indiatimes.com/all-you-want-to-know-about-the-line-of-actual-control-lac/listshow/42893743.cms> (accessed: 01.02.2020).

Annexure – I. *BM-I Division, Department of Border Management*. https://mha.gov.in/sites/default/files/BMdiv_I_Annexure_I_30012020.pdf.

Banerjee V., Suhas P.H. Indian Air Strategy After Balakot: The China Factor. *The Diplomat*. 03.2019. <https://thediplomat.com/2019/03/indian-air-strategy-after-balakot-the-china-factor/> (accessed: 01.02.2020).

Bhutani R. Integrated Theatre Commands for the Indian Armed Forces. *Centre for Joint Warfare Studies*. 09.2018. https://cenjows.gov.in/upload_images/pdf/8.%20Bhutanui-Integrated%20Theatre%20Commands%20for%20India.pdf (accessed: 07.03.2020).

Daftari M. Sino-Indian Relations and “Encounters”: Challenges and Opportunities in the Nineties. *China Report*. 30(3). 1994. Pp. 283–293.

Dangra A. The Missing Piece in India’s Economic Growth Story: Robust Infrastructure. *S&P Global*. 02.08.2016. <https://www.spglobal.com/en/research-insights/articles/the-missing-piece-in-indias-economic-growth-story-robust-infrastructure> (accessed: 02.04.2020).

Documents Signed between India and China during Prime Minister Vajpayee’s Visit to China. Ministry of External Affairs, Government of India. 06.2003. <https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/7692/Documents+signed+between+India+and+China+during+Prime+Minister+Vajpayees+visit+to+China> (accessed: 02.10.2019).

India – Bhutan Friendship Treaty. Ministry of External Affairs, Government of India. 03.2007. <https://mea.gov.in/Images/pdf/india-bhutan-treaty-07.pdf> (accessed: 02.10.2019).

India – China Bilateral Relations. Ministry of External Affairs, Government of India. 09.2019. https://mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/china_brief_sep_2019.pdf.

India – China Informal Summit at Wuhan. Ministry of External Affairs, Government of India. 04.2018. https://mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/29853/IndiaChina_Informal_Summit_at_Wuhan (accessed: 15.01.2020).

Indo-China Political Relations. *Hindustan Times*. 11.2006. <https://www.hindustantimes.com/india/indo-china-political-relations/story-wbnPhLjKjBQcM9QJw0H11J.html> (accessed: 02.10.2019).

Joint Statement of the Republic of India and the People’s Republic of China. Ministry of External Affairs, Government of India. 04.2005. https://www.mea.gov.in/bilateraldocuments.htm?dtl/6577/Joint_Statement_of_the_Republic_of_India_and_the_Peoples_Republic_of_China (accessed: 02.10.2019).

Joshi M. For a Quad Strategy. *Observer Research Foundation*. 11.2019. <https://www.orfonline.org/research/for-a-quad-strategy-58136/> (accessed: 13.12.2019).

Kesavan K.V. India’s ‘Act East’ Policy and Regional Cooperation. *Observer Research Foundation*. 02.2020. <https://www.orfonline.org/expert-speak/indias-act-east-policy-and-regional-cooperation-61375/> (accessed: 22.03.2020).

Kliman D., Rehman I., Lee K., Fitt J. Imbalance of Power: India’s Military Choices in an Era of Strategic Competition with China. *Center for a New American Security*. 10.2019. [https://s3.amazonaws.com/files.cnas.org/CNAS-Report_ImbalanceofPower_DoS-Proof+\(1\).pdf](https://s3.amazonaws.com/files.cnas.org/CNAS-Report_ImbalanceofPower_DoS-Proof+(1).pdf) (accessed: 15.11.2019).

Kotoky A., Bipindra N. C. After Decades of Neglect, India Builds Roads along China Border. *The Economic Times*. 07.2018. https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/after-decades-of-neglect-india-builds-roads-along-china-border/articleshow/58833597.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst (accessed: 13.12.2019).

Kumar R., Narayan S. China’s One Belt One Road Initiative in Nepal. *South Asia Journal*. 12.2017. <http://southasiajournal.net/chinas-one-belt-one-road-initiative-in-nepal/> (accessed: 18.02.2020).

Maldives Election: Opposition Defeats China-backed Abdulla Yameen. *BBC News*. 09.2018. <https://www.bbc.com/news/world-asia-45623126>.

Marlow I. India Slips Further Behind China During First Five Years of Modi. *Bloomberg*. 04.2019. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-04-27/india-slips-further-behind-china-during-first-five-years-of-modi> (accessed: 29.12.2019).

Mehta S. The Indo-Pacific Imperative. *Geopolitics of the Indo-Pacific*. / Eds.: A.P. Kaushiva, A. Singh. New Delhi: KW Publishers, 2014. Pp. 3–7.

Military Regions: Military Area Commands. *Global Security.org*. 10.2019. <https://www.globalsecurity.org/military/world/china/mr.htm> (accessed: 11.01.2020).

Our Govt Doesn't Shy Away from Taking Tough Measures to Protect the Vulnerable: PM Modi to Hindustan Times. *Hindustan Times*. 08.2018. <https://www.hindustantimes.com/india-news/our-govt-doesnt-shy-away-from-taking-tough-measures-to-protect-the-vulnerable-pm-modi-to-hindustan-times/story-Pem4dG6tnNgq8ZstnYuLaM.html> (accessed 10.09.2019).

Pant V.H. The Limits of Informality. *Observer Research Foundation*. 10.2019. <https://www.orfonline.org/research/the-limits-of-informality-56585/> (accessed: 07.04.2020).

Premier Chou En-lai's Letter to Prime Minister Nehru. (September 8, 1959). *Wilson Center: Digital Archive, International History Declassified*.

Rahman M.Z. Territory, Roads and Trans-boundary Rivers: An Analysis of Indian Infrastructure Building along the Sino-Indian Border in Arunachal Pradesh. *Eurasia Border Review*. Spring 2014. Vol. 5, No. 1. Pp. 59–75.

Rehman I. A Himalayan Challenge: India's Conventional Deterrent and the Role of Special Operations Forces along the Sino-Indian Border. *Naval War College Review*. Winter 2017. Vol. 70, No. 1. Pp. 104–142.

Sali M.L. *India – China Border Dispute: A Case Study of the Eastern Sector*. New Delhi: APH Publishing, 1998.

Samaranayake N. China's Engagement with Smaller South Asian Countries. *United States Institute of Peace*. 2019. No. 446.

Scott D. The Great Power 'Great Game' between India and China: 'The Logic of Geography'. *Geopolitics*. 2008. Vol. 13. Pp. 1–26.

Singh D.K. *Stateless in South Asia: The Chakmas between Bangladesh and India*. New Delhi: SAGE Publications India, 2010.

Tellis J.A., Mirski S. *Crux of Asia: China, India and the Emerging World Order*. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2013.

The Military Balance 2019. The Annual Assessment of Global Military Capabilities and Defence Economics. London: The International Institute for Strategic Studies. Routledge. 2019.

Wolpert S.A *New History of India*. New York: Oxford University Press, 1997.

ИНФОРМАЦИЯ / INFORMATION ABOUT THE AUTHO

ШАВЛАЙ Эллина Петровна – аналитик Научного центра (лаборатории) анализа международных процессов, преподаватель кафедры английского языка №1, аспирантка кафедры востоковедения, МГИМО МИД России; научный сотрудник отдела науки и инноваций ИМЭМО РАН, Москва, Россия.

Ellina P. SHAVLAY, Analyst at the Laboratory of International Trends Analysis, Lecturer at English Language Department No. 1, PhD Postgraduate Student in History at the Department of Oriental Studies, MGIMO University; Research Fellow at the Department of Science and Innovation, the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.